

Марина ТАРАСОВА

Поэт, прозаик, переводчик. Родилась в Москве. Окончила Московский полиграфический институт, редакторское отделение. Работала библиографом в иностранном отделе Ленинской библиотеки, редактором в АПН (в редакции стран Латинской Америки), редактором в издательстве «Современник».

Автор десятка книг поэзии и прозы, многочисленных публикаций в журналах и антологиях. Живет в Москве.

...А В АНАМНЕЗЕ ТОЛЬКО СТИХИ

Баллада об аномальной зоне

Ю. Б.

Мы с тобой аномальная зона,
там, где выдох, там пламенный вздох,
из глазниц золотого бизона
выпьем влагу ушедших эпох.

Обитаем в расщелине мира...
отдыхает кудрявый Язон;
караваны с планеты Нибиру
источали предательский звон,

чтоб рассечь слитки нашего света –
то ли весть, то ли сладкая месть –
обобратить малолетку-планету
и домой золотишко увезть.

Надо мною огромные шершни
совершают угрюмый полет,
тянут лапы в космической шерсти
все мутанты родимых болот.

В камышах незаметный кузнечик,
хакер в хаки – он код отыскал!
Что ведет в главный Банк, в Бесконечность,
ну а проще – в Начало Начал.

Да, мы точно с тобой аномалы,
но коллекции нужен засов –

ледяным изваяньям Ямала
и горынычам пермских лесов.

А душа превращается в купол
в ледяных сквозняках декабря,
разрастается в снежную купу
древа зла и крутого добра.

Шелестящие годы как травы,
как сводила мне скулы любовь!
Разоренные годы как травмы,
злая сырость холодных углов...

Не жила по-людски, и в расплате
захлебнется моя голова.
Всё стучит по стволу серый дятел,
а в анамнезе только слова.

Будет некому сжечь мое тело,
не считайте чужие грехи!
А в душе только ласточка пела,
а в анамнезе только стихи.

Лыков лес

Порубали парубки утром Лыков лес,
что вонзился елками в решето небес;
не укроет парочку – как же не укрыть?
Исхлестает ветками, может зашибить,
обрушая дерево на головы им,
обдувая молодость ветром ледяным.
Что за наказание этот Лыков лес,
пусть бы весь он выгорел, хоть бы он исчез!
Как же грешны люди, доля их лиха,
но и на природе тоже тень греха.
Будто бы не видят в горести своей
черное, косматое в глубине ветвей:
глазовина круглая, черная, как ноль,
там одно отчаянье, там любовь и боль.
С этим неприкаянным духом темноты
невозможно бражку пить или быть «на ты»,
длинными лопатами руки у него,
и не могут парубки сделать ничего.

Ковернино

Ю. У.

Мне уже не быть в Ковернино,
не залезешь к прошлому в карман,
в памяти не вырубешь окно,
до небес дотянется бурьян.

А какой в Ковернино рассвет,
словно лики розовых икон,
дышит полной грудью бересклет,
где упавшей звездочки пeon,
белый, сахарный, такой ручной,
как яичко, россыпь птичьих снов,
там омыто все живой водой,
благодатным таинством лесов.
Как он был похож на вольный храм,
деревенский город на холмах,
там на курьих сказочных ногах
для тоски и горести шлагбаум.
Как они теперь – твои друзья?
В скудных буднях растеряли пыл?
Ни один не выбился в князья,
так и тянут лямку до могил.
Разбежится синяя река,
на ракиту сядет богомол,
жизнь, она порою и сладка,
только грубый у нее помол.
Темный норов и крутой замес,
ей бы все сломать, перекроить!
Туча камнем падает на лес,
надо жить, но как же трудно жить...
Мне уже не быть в Ковернино,
далеко, да и не хватит сил.
В памяти не вырубил окно,
как царь Петр в Европу прорубил.
Было мне привольно и светло
и не страшно собственных шагов;
задержи в своих руках весло,
мы опять плывем без берегов.
Может, потому сбывались сны,
что приснились слюдяной сове?
Под зеленой маковкой луны
голова приникла к голове.

* * *

Только плавники и крылья
и лишающая сна,
в белой соли, словно в мыле,
одичавшая волна.

Только глиняные боги
с детской правдой на губах,
те жемчужные дороги,
что петляют в облаках.

В даль веков плыла бы с ними
на фелюге расписной,
с вечной нимфой, с ярким нимбом,
с нежной арфой под рукой.

* * *

Я орхидею посадил...

Ли Бо

Невозможно орхидею посадить на пустыре,
невозможно брадобрею прокатиться на ковре –

на волшебном самолете, чьи движенья так легки,
испокон на нем летали гении и дураки.

О цветок с прохладной плотью, ты скорей похож на плод,
теплый дождь тебя питает, а еще – большой уход.

Ты похож на иероглиф тонкой вязью лепестков,
на жемчужные наитья недописанных стихов.

Влажный ветер колышет вертолетиком осу,
пьет Ли Бо вино из кубка, из цветка он пьет росу.

* * *

О. Хлебникову

Мы долго набирали спелость
и перезрели в пойме лет,
а ценят не любовь и смелость,
а безлимитный Интернет.

Теперь не жду, что по старинке
друзья заявятся гурьбой,
теперь все чаще на поминках
душа встречается с душой.

Еще немного, и о лете
напомнит дождик проливной,
нелепа, как суфлер в балете,
смотрю на шарик надувной.

Нельзя уже мечтать о многом,
о том, чего не напишу,
и попрошайкой быть у Бога,
но что-нибудь да попрошу.

* * *

Весенние ночи с холодным поддувом,
недвижны дома, как большие лари,
себя ощущаешь коричневым дубом
среди молодой неокрепшей листвы.

...Кот ходит под дубом, как песнь о солдате,
горит его шерсть от витка до витка,

и стрелки усов на лице-циферблате
с трудом отмеряют года и века.

Он ходит среди желудей прошлогодних
и сам ненароком слагает стихи,
кровит его шея кошачьим исподним,
где светятся золотом звенья строки.

Смерть

Скорей! Разминуться б со «Скорой» –
зачем ей встречаться с врачом?
Она ведь оставила споры
в подъезде и лифте чужом.

В какой-то немислимой шляпе –
в прихожей взяла на бегу –
и губы, забитые кляпом,
как в клипе, в летящем снегу.

От снега несет валидолом,
ей тесно в пространстве пустом.
Но что это? Кажется, школа.
Ну, школу пока обойдем.

Пробраться б за все эти шторы,
там сонмище заспанных лиц.
Рассвет петушиную шпору
ей тычет в провалы глазниц.

В нелепой панаме с помпоном,
раздав леденящий свой пыл...

– Ты что так торопишься, клоун? –
Мальчишка-прогульщик спросил.

Любовь

И ты опять встречаешь электричку,
в холодный вечер вышел налегке,
так терпеливо ожидали бричку
с кудлатым кучером на облучке.

И нет обиды в пустоте осенней,
и гнева нет за ложь и неприезд,
лишь бешеный аккорд сердцебиенья,
летающий поезду наперерез.

Пейзаж с ангелом

...где проступает новый век
в язычестве лесов и свалок,

где каждый так велик и жалок,
как может только человек,
где в углублениях асфальт
похожий на древесный уголь,
где ангел, потерявший алыт,
как золотой небесный рубль.

Русский декаданс

Эта леди в брючном костюме
с папиросой черной у губ
промелькнет в Пассаже и в ЦУМе,
отражаясь в трюме, как в трюме
под неслышную музыку труб.

В том подвале просторного века,
из которого трудно уйти,
где танцует скрипичная дека
нагишом, де-каданс во плоти.

Эта дама хранит в ридикюле
портсигар и серебряный шприц,
у подъезда ее караулит
на цепочку привязанный шпиц.

И когда подойдет к изголовью
в ореоле своей красоты,
не почувствуешь страха и боли
у последней кромешной черты.

Под холеной, холодной рукою
все утихнет, исчезнет, пройдет.
жизнь покажется дымной рекою,
уходящей под меркнувший лед.

Русская танка

Белая строка
засветилась на стекле
нитью жемчуга.
Новая Ахматова
этим утром родилась.